

**Рудольф Штайнер**  
**ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДУХОВНОЙ НАУКИ**  
**Из GA 034**

**R. Steiner**  
***Die Erziehung des Kindes, vom Gesichtspunkte der Geisteswissenschaft (Aufsatz 1907)***

*Перевод с немецкого Д. Виноградова*

Современная жизнь зачастую склонна пересматривать то, что человечество унаследовало от предшествующих эпох. Именно поэтому наше время столь богато «вопросами дня» и «требованиями времени». Какие же «вопросы» волнуют сегодня мир? Социальный вопрос, женский вопрос, проблемы воспитания и организации школы, юридический и медицинский вопросы и т. д. Самыми разнообразными способами стремятся разрешить эти вопросы и проблемы. Неисчислимо количество тех, кто предлагает здесь свои рецепты. При этом заявляют о себе оттенки всех настроений, всех подходов: радикализм, который призывает к революционным преобразованиям; умеренный подход, который, уважая то, что существует, хотел бы развить из него новое; консерватизм, который тотчас приходит в волнение, как только затрагивается что-нибудь из искони существующих традиций; и наряду с этими главными направлениями — всевозможные промежуточные настроения и компромиссы.

Тот, кто в состоянии глубже заглянуть в жизнь, испытывает по отношению к подобным явлениям известное чувство: наше время негодными средствами пытается разрешать стоящие перед ним задачи. Многим хотелось бы перестроить жизнь, не утруждая себя познанием ее истинных основ. Однако, если хочешь оказывать влияние на будущее, нельзя удовлетворяться поверхностным знанием жизни — необходимо исследовать ее глубины.

Жизнь подобна растению, которое содержит в себе ведь не только то, что можно рассмотреть глазами; в его глубине заключено его потенциальное будущее. О недавно покрывшемся листьями растении, мы знаем, что через некоторое время на стебле появятся цветы и плоды. В растении уже теперь скрыто присутствует предрасположенность к этим цветам и плодам. Но как описать будущие цветы и плоды тому, кто исследует лишь то, что можно наблюдать в настоящий момент? Для этого необходимо ознакомиться с природой растения.

Точно так же и человеческая жизнь содержит в себе задатки своего будущего. Но чтобы сказать что-нибудь относительно этого будущего, нужно проникнуть в сокровенную природу человека. Наше время, однако, не имеет к этому склонности. Оно занимается лишь поверхностным, и ему кажется, что оно вступает в область недостоверного, когда ему приходится обращаться к тому, что остается скрытым от внешнего наблюдения. С растениями дело обстоит, конечно, гораздо проще. По опыту мы знаем, как часто они уже цвели и какие плоды приносят. Но одна человеческая жизнь не повторяет другой человеческой жизни, и никогда прежде не расцветали цветы, которыми она увенчает себя в будущем. С самого начала они находятся в человеке так же, как в покрывшемся листьями растении уже заключены еще недоступные взору цветы.

О будущем человека можно многое сказать, если рассматривать не поверхность, а само существо его природы. Предлагаемые в наши дни реформы будут плодотворными и оправдают себя на практике лишь при том условии, что они станут проводиться исходя из такого углубленного изучения жизни.

В силу своей ориентации, задачу дать подход к практическому осмыслению мира, всесторонне охватывающего существо человеческой жизни, должна принять на себя духовная наука (Geisteswissenschaft). Вопрос о том, в состоянии ли то, что сегодня называют этим именем, данную задачу разрешить, мы пока оставим в стороне. Речь пойдет о самой сущности духовной науки и о том, чем она, сообразно своей сущности, *может* стать. Она должна быть не сухой теорией, отвечающей потребностям абстрактной любознательности, и не средством для тех, кто ради *самих себя* стремится к высшему развитию. Она *может* плодотворно участвовать в решении главнейших задач современного человечества на его пути к общему благу (1) \*. (\*цифрам соответствуют примечания в конце книги.)

Конечно, принимая на себя такую миссию, она должна считаться с тем, что ее право на это будет оспариваться и ставиться под сомнение. Радикалы, умеренные и консерваторы на всех поприщах жизни выразят ей свое недоверие. Никакой партии она не придется впору, ибо ее предпосылки находятся далеко за пределами какой бы то ни было партийности.

Эти предпосылки коренятся исключительно в истинном познании жизни. Тот, кто познает жизнь, ставит себе задачи исходя из самой жизни. Он не станет формулировать произвольных программ, так как он знает, что в будущем будут господствовать те же основные законы жизни, что и теперь. Поэтому, по

необходимости, духовное исследование со вниманием и уважением обращается ко всему существующему. И хотя бы оно находило в современной действительности очень много нуждающегося в улучшении — в настоящем оно видит зародыш будущего. Духовная наука знает, что всякое становление предполагает рост и развитие. В современной действительности она умеет разглядеть зародыш будущих превращений, будущего роста. Она *не изобретает* никаких программ, она просто умеет читать в том, что есть. Но прочитанное становится все же в известном смысле программой, ибо ему присуще развитие.

Именно поэтому духовнонаучное углубление в существо человека может самым плодотворным и самым практическим образом помочь разрешению важнейших проблем современности.

Здесь это будет показано на примере *одной* такой проблемы, *проблемы воспитания*. Мы не будем формулировать требования или предлагать программы, но просто опишем природу ребенка. Важнейшие исходные пункты воспитания как бы сами собой обозначатся при рассмотрении существа развивающегося человека.

Чтобы познать это существо *развивающегося* человека, нужно исходить из знания *сокровенной* природы человека вообще.

То, что чувственному наблюдению открывается в человеке, то, что материалистическое воззрение на жизнь считает в нем единственной реальностью — для духовного исследования представляет собой лишь часть, лишь один из членов человеческого существа: мы называем его физическим телом (physischer Leib). Физическое тело подчинено законам физической жизни и включает в себе такие же вещества и силы, как и вся остальная, так называемая «неживая» природа. Говоря, что физическое тело принадлежит минеральному царству, духовная наука относит к физическому в человеке лишь то, что представлено в нем веществами, вступающими в процессы смешения, соединения, формообразования и разложения по тем же законам, по которым такие же вещества взаимодействуют в минеральном царстве.

Помимо физического тела человека, объектом познания для духовной науки является еще и другой член его существа: жизненное или эфирное тело (Lebensleib oder Aetherleib). Термин «эфирное тело» не должен смущать ученых-физиков. Слово «эфир» обозначает здесь нечто совсем иное, нежели гипотетический эфир в физике. Его можно принять просто как наименование для того, что будет описано ниже.

Лишь относительно недавно стало считаться в высшей степени ненаучным говорить о каком-то «эфирном теле». В конце восемнадцатого, в первой половине девятнадцатого века это еще вовсе не было «ненаучным». Тогда полагали, что действующие в минералах вещества и силы сами по себе не способны оформиться в нечто живое. В живом усматривали наличие особой «энергии», которую называли «жизненной силой». Считали, что в растении, в животном, в человеческом теле данная сила порождает жизненные процессы подобно тому, как сила, действующая в магните вызывает явления притяжения. Затем усилившееся влияние материализма побудило отказаться от этого представления. Стали утверждать, что строение живого в принципе не отличается от строения так называемого «неживого»; в организме действуют точно такие же силы, как и в минерале; только их действие сложнее — они создают более сложные структуры. Однако в настоящее время лишь самые непреклонные материалисты безоговорочно отрицают существование «жизненной силы». Многие исследователи указывают на необходимость признать нечто вроде жизненной силы или жизненного принципа.

В известном отношении новейшее естествознание отстоит совсем недалеко от того, что духовная наука говорит об эфирном теле, однако имеется и значительное различие. Современные ученые, исходя из установленных посредством чувственного восприятия фактов, путем умозаключений приходят к признанию своего рода жизненной силы. Но это не тот путь подлинного исследования, которого придерживается духовная наука. Едва ли возможно было бы преувеличить, сколь сильно в этом смысле духовная наука непохожа на естествознание нашего времени, считающее полученный благодаря чувственному восприятию опыт единственной основой какого бы то ни было знания и отрицающее возможность познания того, что не выстроено на этой основе. Оно делает свои выводы, опираясь на данные чувственных впечатлений, а все, что находится за их пределами, оно отвергает, как находящееся за границами познания. С точки зрения духовной науки это подобно тому, как если бы слепой соглашался признавать лишь то, к чему можно прикоснуться руками, и о чем на основе осязания можно строить умозаключения, а сообщения зрячих считал бы не соответствующими познавательным возможностям человека. Однако человек несет в себе способность к высшему развитию, и, если в нем пробуждаются к действию новые органы, он открывает для себя новые миры. Слепой не в состоянии воспринимать цвет и свет в своем окружении. И точно так же человек окружен многими мирами, воспринимать которые он может, лишь развив в себе надлежащие органы. После операции слепой начинает видеть новый мир, а человек, развивший в себе органы высшего восприятия, познает совсем иные миры, непохожие на те, которые доступны ему благодаря обычному чувственному восприятию. Насколько успешной будет операция для физически слепого — это зависит от состояния его организма; но *каждый* человек обладает зачатками высших органов,

позволяющих воспринимать иные миры. И развить их в себе может каждый, у кого достанет терпения, выдержки и энергии, чтобы применить к себе методы, описанные в моей книге «Как достигнуть познания высших миров». Духовная наука вообще не говорит о каких-либо пределах познавательных возможностей человека — она говорит о том, что для человека существуют те миры, для которых у него есть органы восприятия. Она также говорит о средствах, способствующих расширению границ познания. Поэтому она ставит себе задачей изучение жизненного или эфирного тела и всего того, что ниже будет описано как другие высшие члены существа человека. Она утверждает, что исследованию с помощью физических органов восприятия доступно лишь физическое тело, а посредством умозаключений — в лучшем случае — можно прийти к выводу о существовании еще и тела высшего порядка. Духовная наука описывает, каким образом открывается тот мир, в котором высшие члены существа человека оказываются доступными созерцанию так же, как глазам оперированного слепорожденного становятся доступными цвета и свет в его окружении. Для того, кто развил в себе высшие органы восприятия, эфирное тело является объектом наблюдения, а не предметом рассуждений и умозаключений.

Эфирным телом обладают люди, растения и животные. Благодаря ему вещества и силы физического тела проявляют себя в процессах роста, размножения, внутреннего движения соков и т. п. Оно — строитель и обитатель физического тела. Поэтому физическое тело можно было бы назвать отображением или выражением эфирного тела. В отношении формы и величины они подобны друг другу, но все же не одинаковы. У животных, а еще более у растений эфирное тело по форме и размеру значительно отличается от физического.

Третьим членом существа человека является так называемое тело ощущений или астральное тело (Empfindungs-oder Astralleib). Оно — носитель страдания и радости, стремлений, вожелений и страстей и т. п. Ничего подобного нет у существ, состоящих только из физического и эфирного тел. У них нет ощущений. В наше время некоторые ученые, ссылаясь на то, что растения реагируют на внешние раздражения, утверждают, что растения имеют своего рода ощущения; но этим они лишь демонстрируют непонимание природы ощущений. Определяющим здесь является не то, что существо внешним образом реагирует на пришедшее извне раздражение, а то, что внешнее раздражение вызывает такие *внутренние* процессы, как радость, страдание, стремление, вожеление и т. п. Тем, кто думает иначе, должны казаться вполне достоверными умозаключения о том, что лакмусовая бумага «ощущает» прикосновение некоторых веществ, — ведь она при этом краснеет(2).

Помимо человека астральным телом обладают только существа, принадлежащие к животному царству. Оно — носитель жизни ощущений (Empfindungsleben).

Не следовало бы впадать в заблуждение, распространенное в некоторых теософских кругах, и представлять себе эфирное и астральное тела состоящими из веществ просто более тонких по сравнению с теми, из которых построено физическое тело. Это значит приписывать высшим членам существа человека несвойственную им материальность. Эфирное тело состоит не из веществ, а из активно действующих сил. Астральное тело складывается из подвижных, многоцветных, пронизанных светом образов (3).

По форме и по величине астральное тело значительно отличается от физического. У человека оно напоминает собой продолговатое яйцо, в которое заключены эфирное и физическое тела. Оно окружает их подобно просторной, сотканной из света оболочке.

К существу человека принадлежит также еще один, четвертый, член — такого члена нет у других живущих на земле существ. Это — носитель человеческого «Я». Слово «Я» — как оно употребляется, например, в немецком языке — представляет собой имя, отличное от всех других имен. Тому, кто надлежащим образом размышляет о свойствах этого имени, открывается доступ к познанию природы человека. Прочими именами все люди могут, в равной степени правомерно, называть соответствующие данным именам объекты. Каждый может стол назвать «столом», а стул «стулом». И только имя «Я» не таково. Слово «Я» никогда не прозвучит для меня извне в качестве обозначения меня самого. Обозначая себя как «Я», человек именует себя в себе самом. Существо, которое может само себе сказать «Я», представляет собой мир для самого себя. Все религии, построенные на познании духа, всегда это сознавали. Поэтому в них речь шла о том, что посредством «Я» в самом человеке начинает говорить тот «бог», который для существ, стоящих на более низкой ступени развития, открывается лишь в явлениях внешнего мира. Носителя такой способности, четвертый член существа человека, можно было бы назвать «Я — телом» (Ich-Leib) (4).

Итак, «Я — тело» является носителем высшей души в человеке. Оно делает человека венцом творения. Причем у современного человека «Я» — это отнюдь не простая сущность. Ее природу можно познать, сравнивая друг с другом людей, стоящих на разных ступенях развития. Если провести сравнение между дикарем, средним европейцем и идеалистом, строящим свою жизнь в соответствии с высшими принципами, то окажется, что каждый из них обладает способностью говорить о себе «Я», каждый из них обладает «Я — телом». Но дикарь, вместе со своим «Я», отдается владеющим им страстям, влечениям и

вожделениям почти как животное. Человек более развитый говорит себе: некоторым моим склонностям и желаниям я буду следовать, а другие должен обуздывать и подавлять. А идеалист хочет обрести высшие склонности и устремления. Эти различия объясняются тем, что «Я» работает над другими членами существа человека. Задача «Я», собственно, и заключается в облагораживании и очищении других членов.

Таким образом, у того, кто поднимается над тем состоянием, в которое он был поставлен внешними обстоятельствами, под влиянием «Я» изменяются низшие члены. Когда человек едва возвысился над животным и его «Я» лишь слабо вспыхивает в нем — в отношении своих низших членов он еще подобен животному. Тогда его эфирное тело — это просто носитель жизненных формообразующих сил (*lebendigen Bildungskraefte*), роста и размножения. В его астральном теле действуют лишь возбуждаемые внешней природой влечения, вожделения и страсти. Однако по мере того, как благодаря перевоплощениям он восходит на все более высокие ступени развития, «Я» совершает свою работу над низшими членами. Астральное тело становится носителем просветленных чувств радости и печали, очищенных стремлений и влечений. Преобразуется также и эфирное тело. Оно становится носителем привычек, устойчивых склонностей, темперамента и памяти. Человек, «Я» которого еще не работало над его эфирным телом, не помнит своих переживаний. Он изживает то, что заложено в него природой.

По существу, все культурное развитие человека представляет собой такую работу «Я» над низшими членами. Эта работа простирается вплоть до физического тела. Под влиянием «Я» меняются черты лица, характер жестов и движений, меняется весь облик физического тела.

Различные культурные факторы по-разному воздействуют на члены существа человека. Культурные факторы, относящиеся к повседневной жизни, воздействуют на астральное тело; ими обусловлены радости и огорчения, влечения и стремления иного рода, чем те, которые были ему присущи с самого начала. Художественные впечатления воздействуют на эфирное тело. Оно преобразуется, когда произведения искусства вызывают у человека представления о чем-то более возвышенном и благородном по сравнению с окружающей его действительностью чувственно воспринимаемого мира. Могучим средством облагораживания и очищения эфирного тела является религия. Поэтому роль религиозных импульсов в развитии человечества чрезвычайно велика.

То, что зовется совестью, есть результат совершавшейся в продолжение ряда перевоплощений работы «Я» над эфирным телом. Когда человек сознает, что он не должен то или иное делать, и это сознание распространяется вплоть до его эфирного тела — возникает совесть.

Работа «Я» над низшими членами может совершаться по отношению ко всему человеческому роду, или же она может быть индивидуальной — такой, которую одно отдельное «Я» выполняет для самого себя. В первом случае над преобразованием человеческой природы работает все человечество, во втором — преобразования зависят от индивидуальной деятельности «Я». Это «Я» может быть настолько сильным, что ему удастся полностью преобразить астральное тело; тогда переработанное посредством собственных сил «Я» астральное тело называется Самодухом (*Geistselbst*) — или, согласно восточной терминологии, Манасом. Такое преобразование происходит, в основном, благодаря обучению, обогащению внутреннего мира возвышенными идеями и представлениями. Однако в своей работе над существом человека «Я» может подняться еще выше. В этом случае объектом преобразования становится также эфирное тело. В жизни человек успевает научиться разным вещам и, оглянувшись на прожитую жизнь он, вероятно, мог бы сказать: «Да, я многому научился», — но в несравненно меньшей мере ему удастся преобразовать свой темперамент, свой характер или свою память. Обучение видоизменяет астральное тело, а изменения темперамента, характера и памяти связаны с деятельностью эфирного тела. Поэтому вполне оправданно было бы изменения, происходящие в астральном теле, сравнить с движением минутной стрелки, а изменения, происходящие в эфирном теле, — с движением часовой стрелки.

Для человека, приступающего к высшему или так называемому оккультному обучению, речь идет прежде всего о том, чтобы обратить присущие «Я» силы на преобразование второго рода. Он должен совершенно сознательно и индивидуально работать над изменением привычек, темперамента, характера, памяти и т. д. Так он постепенно преобразовывает эфирное тело в то, что на языке духовной науки называется жизнедухом (*Lebensgeist*), или, согласно восточной терминологии, Будхи.

Еще более высокой ступени человек достигает, развив в себе силы, необходимые для того, чтобы преобразуяюще воздействовать на физическое тело (например, это могут быть изменения в области кровообращения). Преобразованное таким образом физическое тело называется Духочеловеком (*Geistmensch*) — согласно восточной терминологии, Атман.

Преобразования низших членов существа человека, относящихся ко всему человеческому роду или к какой-либо его части, например, к народу, к племени, к семье, в духовной науке принято называть следующим образом: видоизмененное, благодаря работе «Я», астральное тело называется душой ощущающей; видоизмененное эфирное тело — душой рассудочной; видоизмененное физическое тело — душой самосознающей. Но не следовало бы думать, что преобразование этих трех членов происходит

последовательно — оно совершается параллельно, начиная с момента пробуждения «Я», работа которого, вообще, не может быть осознана человеком до того, как будет хотя бы отчасти сформирована душа самосознающая.

Итак, говоря о человеке, мы различаем четыре члена его существа: физическое тело, эфирное (или жизненное) тело, астральное тело (или тело ощущений) и «Я»-тело. Душа ощущающая, душа рассудочная, душа самосознающая, а также более высокие члены человеческой природы — Самодух, жизнедух и духочеловек — формируются вследствие преобразования этих четырех членов, которые, собственно, и являются объектом рассмотрения, поскольку речь идет о носителях присущих человеку свойств.

Воспитатель работает над этими четырьмя членами существа человека и, если он желает стоять на уровне своей задачи, должен изучать их природу. Было бы заблуждением предполагать, что в определенный момент — скажем, вскоре после рождения — они могут находиться на одинаковой ступени развития; их развитие совершается в различные периоды жизни и совершенно по-разному. Знание соответствующих законов должно быть положено в основу искусства воспитания и обучения.

До своего физического рождения, в утробный период, человек со всех сторон окружен материнским телом. Самостоятельно он не вступает в соприкосновение с внешним миром. Непосредственно воздействует на него только организм матери. Физическое рождение в том и заключается, что человек отделяется от физической материнской оболочки и становится доступным для непосредственных воздействий из физического окружения. Органы чувств открываются для восприятия внешнего мира, оказывающего теперь на человека то влияние, которое прежде принадлежало физической оболочке матери.

Согласно основанному на духовном исследовании пониманию мира, совершилось рождение только физического тела, но отнюдь не эфирного тела. До своего физического рождения человек окружен физической материнской оболочкой, а в период от рождения до смены зубов — т. е. приблизительно до семилетнего возраста — он окружен эфирной и астральной оболочками. Лишь с наступлением смены зубов эфирное тело отделяется от эфирной оболочки. Астральная оболочка сохраняется вплоть до наступления возраста половой зрелости, когда астральное тело рождается так же, как это произошло с физическим телом при физическом рождении и с эфирным телом в возрасте смены зубов.

Таким образом, духовная наука говорит о трех рождениях человека. До тех пор, пока не начали меняться зубы, эфирное тело остается столь же недоступным для впечатлений, которые могли бы повлиять на него, сколь недостижимым для воздуха и света остается находящееся в материнской утробе физическое тело.

До наступления смены зубов эфирное тело еще несвободно. Подобно тому, как в утробный период физическое тело ребенка существует за счет сил, приходящих от материнского организма, и, развиваясь в окружении защищающей его оболочки, постепенно обретает свои собственные силы, так эфирное тело исходящие от него силы роста в предшествующий смене зубов период вырабатывает не самостоятельно, но с помощью внешних по отношению к нему, унаследованных сил. Оно еще только готовится к тому, чтобы стать свободным и самостоятельно вырабатывать то, что оно должно давать физическому телу, которое в данное время является уже совершенно независимым. Эта подготовка завершается тем, что на месте унаследованных (молочных) зубов у человека вырастают свои собственные (вторые) зубы. Будучи наиболее твердой частью физического тела, они появляются позже всего.

Итак, эфирное тело начинает самостоятельно обеспечивать процессы роста. При этом на него продолжает воздействовать еще не освободившееся астральное тело. В тот момент, когда астральное тело отделяется от окружавшей его оболочки, начинается новая эпоха в жизни эфирного тела, — внешним образом это выражается в наступлении половой зрелости. Органы размножения приобретают самостоятельность, потому что освободившееся астральное тело перестает быть замкнутым в самом себе и открывается для внешнего мира. Точно так же, как нельзя допускать, чтобы внешний мир физическим образом влиял на еще не родившегося ребенка, так не следовало бы допускать, чтобы на эфирное тело ребенка, у которого не менялись зубы, оказывали влияние силы, являющиеся для этого эфирного тела тем же, чем для физического тела являются воздействия окружающего физического мира. В отношении астрального тела аналогичные влияния допустимы только после наступления половой зрелости.

Искусство воспитания должно основываться не на общих рассуждениях о «гармоническом развитии всех сил и способностей» и т. п., оно может быть построено лишь на основе подлинного познания существа человека. Дело вовсе не в ошибочности таких общих рассуждений, просто от них не больше проку, чем от рассуждений о том, что для исправной работы механизма все его части следует привести в гармоническое соответствие. Правильно обращаться с механизмом будет не тот, кто попытается управлять им при помощи общих рассуждений, а тот, кто в подробностях знаком с его устройством. В искусстве воспитания речь идет о конкретных знаниях в отношении членов существа человека и закономерностей их развития. Необходимо знать, в каком возрасте и каким образом следует воздействовать на тот или иной член организации человека. Конечно, подобное истинно реалистическое искусство воспитания лишь

постепенно может проложить себе дорогу в жизнь. Это обусловлено присущим нашему времени мировоззрением, которое сообщения о фактах духовного мира еще долго будет расценивать как фантастические и бредовые, а общие, бессодержательные рассуждения — рассматривать как результат реалистического образа мыслей. Здесь совершенно открыто должно быть сказано о том, что ныне многими принимается за фантастические измышления, но в будущем станет общепризнанным.

С момента физического рождения физическое тело человека, до того пребывавшее под защитой материнской оболочки, оказывается предоставленным воздействию внешнего мира. То, что прежде для него делали притекавшие от матери силы и соки, теперь для него делают силы и вещества внешнего физического мира. Задача, стоящая перед телом человека в период между рождением и сменой зубов в семилетнем возрасте, существенно отличается от тех задач, которые встают перед ним в последующей жизни. В эту эпоху должны определенным образом сформироваться физические органы: должна установиться известная тенденция их соотношений в структуре организма. В дальнейшем они будут расти в соответствии с уже определившимися формами. Если процесс формообразования был правильным, правильными будут и формы завершивших свой рост органов; в итоге неправильного формообразования вырастут уродливые органы. То, что было упущено воспитателем в период первого семилетия жизни ребенка, не может быть восполнено впоследствии. До рождения правильное окружение для физического тела человека обеспечивается природой, а после рождения об этом должен заботиться воспитатель. Только благодаря воздействию правильного физического окружения физические органы ребенка могут сформироваться правильным образом.

Существуют два ключевых слова, раскрывающие нам суть отношения ребенка к его окружению: это *подражание* и *пример*. Греческий философ Аристотель называл человека самым подражающим из животных; в наибольшей мере это определение приложимо именно к раннему детству, до смены зубов. Ребенок подражает происходящему в его физическом окружении, и в процессе этого подражания его физические органы принимают свои окончательные формы. Слова о физическом окружении здесь следует понимать в их наиболее широком смысле. К нему принадлежит не только то, что материальным образом совершается вблизи ребенка, но и вообще все, что ребенок может воспринять своими чувствами, все, что через физическое пространство может оказывать влияние на его духовные силы. Сюда относятся все совершаемые в присутствии ребенка моральные и аморальные, разумные и неразумные поступки.

В данном направлении на него влияют не морализирование на словах, не рассудочные поучения, но то, что у него на виду делают взрослые. Поучения воздействуют формирующе не на физическое, а на эфирное тело, которое, однако, до семилетнего возраста окружено защитной эфирной оболочкой точно так же, как физическое тело до физического рождения окружено физическим организмом матери. В эфирном теле ребенка до семи лет развитие представлений, привычек, памяти должно протекать как бы «само собой» — в том же смысле, как у находящегося в утробе матери эмбриона, «сами собой», оставаясь недоступными для воздействия света, развиваются глаза и уши. В своем превосходном педагогическом сочинении «Левана или Наука воспитания» Жан Поль совершенно справедливо замечает, что ребенок, который, став взрослым, будет совершать кругосветные путешествия, в раннем детстве успевает научиться от своей кормилицы большему, чем ему предстоит научиться за время всех его путешествий. При этом учится ребенок не посредством обучения, а путем подражания. А его физические органы приобретают свои окончательные формы под воздействием физического окружения. Органы зрения будут здоровыми, если правильны освещение и сочетание цветов в окружении ребенка; и точно так же в мозгу и в системе кровообращения складываются физические предпосылки для здорового морального чувства, если моральным является то, что ребенок видит в своем окружении. У человека, который до семилетнего возраста видит в своем окружении лишь неразумные поступки, мозг формируется так, что в дальнейшей жизни этот человек сам оказывается способным лишь на неразумное поведение.

Испытывая нагрузку, мускулы рук становятся сильными и крепкими, и для правильного развития мозга и других органов физического тела необходимо, чтобы они испытывали соответствующее воздействие из окружения. Проиллюстрируем это на следующем примере. Мы можем сделать для ребенка куклу: возьмем старую салфетку и, стожив ее, сделаем из двух углов ноги, а из двух других углов — руки, на месте головы завяжем узел, на котором чернилами нарисует глаза, нос и рот. Мы можем также купить ребенку в магазине «красивую» куклу, у которой будут настоящие волосы и румяные щеки. Не стоит и говорить о том, что купленная в магазине кукла уродлива и способна навсегда извратить здоровое эстетическое чувство. Для воспитателя главное заключается совсем в другом. Играя со сложенной салфеткой, ребенок в своей фантазии восполняет то, чего ей недостает для того, чтобы выглядеть человеком. Работа фантазии оказывает формирующее воздействие на мозг — он испытывает нагрузку, подобную той, которую испытывают мускулы занятых работой рук. Мозг ребенка, получившего так называемую «красивую» куклу, в данном смысле бездействует; вместо того, чтобы развиваться, он чахнет, сохнет. Если бы родители могли наблюдать процессы формирования мозга так, как это делает тот, кто

проводит духовно-научное исследование (Geisteswissenschaftler), они, несомненно, давали бы своим детям только те игрушки, которые способствуют активизации этих процессов. Все игрушки, состоящие из мертвых математических форм, действуют на формообразующие силы в ребенке иссушающе и умертвляюще — правильно же действует все то, что вызывает представление о живом. В наше материалистическое время появляется мало хороших игрушек. Примером прекрасной здоровой игрушки являются «кузнецы»: две подвижных деревянных фигурки, поочередно ударяющие молотом по наковальне. Такого рода игрушки и по сей день продаются в сельской местности. Очень хороши также книжки с картинками и вставными фигурками, которые, если их потянуть за специальные ниточки, передвигаются по странице. Застывшее изображение, таким образом, ребенок может превратить в подвижное действие; играя, он сообщает физическим органам внутреннюю подвижность, необходимую для того, чтобы правильным был процесс их формирования.

Все это здесь, конечно, только намечено, но в будущем духовная наука будет призвана дать самые подробные разъяснения, и она справится с этой задачей. Ибо ее содержание представляет собой не пустую абстракцию, но заключает в себе ту сумму подлинных знаний о жизни, которыми можно будет руководствоваться в самой непосредственной практике.

Обратимся к другим примерам. Согласно духовной науке обстановка, в которой живет так называемый нервный, легко возбудимый ребенок, должна быть организована иначе, чем обстановка, предназначенная для апатичного, вялого ребенка. Все должно быть принято во внимание: от цвета стен комнаты и окружающих предметов — до цвета одежды, которую на него надевают. Те, кто при этом не будут руководствоваться данными духовной науки, скорее всего, сделают обратное тому, что нужно; ведь материалистический здравый смысл зачастую склонен выбирать противоположное истинному. Возбудимого ребенка следует растить в окружении красного и красно-желтого цветов, в эти же цвета должна быть окрашена и его одежда, а вокруг апатичного ребенка должны преобладать синий и сине-зеленый цвета. Все зависит от того, какой дополнительный цвет возникает в результате зрительного восприятия. Например, при восприятии красного цвета дополнительным цветом является зеленый, а при восприятии синего — светло-оранжевый. В этом легко убедиться, если на некоторое время сосредоточить взор на красной или синей поверхности, а затем быстро перевести его на белую поверхность. Дополнительный цвет, возникающий в физических органах ребенка, собственно, и оказывает воздействие на его организм. В возбудимом ребенке красный цвет вызывает свой зеленый противополож (Gegenbild). Такое генерирование зеленого цвета действует успокоительно: физические органы обретают тенденцию к успокоению.

С детьми данного возраста очень важно принимать во внимание, что само физическое тело создает критерии того, что ребенку полезно. Оно достигает этого, формируя желания. Вообще говоря, здоровое физическое тело желает того, что ему полезно. Поэтому нужно чутко прислушиваться к тому, чего требуют здоровая склонность, здоровое желание, здоровое влечение и здоровая радость. Радость и удовольствие — силы, наилучшим образом формирующие физические органы. Ребенку может быть причинен большой ущерб тем, что он не будет поставлен в правильное физическое отношение к своему окружению. Особенно осторожного подхода требуют инстинкты питания. В результате неправильного кормления ребенок может совершенно утратить здоровые инстинкты питания, а при надлежащем кормлении они будут регулировать его желания так, что, вплоть до стакана воды, он будет просить только того, что в данном случае для него полезно, и отказываться от всего, что для него вредно. Будучи положенной в основу искусства воспитания, духовная наука имеет возможность давать самые конкретные указания относительно каждого рода пищи. Ибо она отвечает на реальные потребности жизни и вовсе не представляет собой отвлеченной теории, каковой она еще и сегодня может казаться вследствие заблуждений некоторых теософов.

Итак, к силам, оказывающим формирующее воздействие на физические органы, принадлежит та радость, которую ребенку дарит его окружение: ласковые лица воспитателей и, прежде всего, искренняя, непритворная любовь. Любовь, своим теплом согревающая физическое окружение, в подлинном смысле слова — как наседка яйца — высиживает формы физических органов.

Пребывать в атмосфере любви и подражать здоровым примерам — это и есть нормальное состояние ребенка. И нужно тщательно заботиться о том, чтобы в его окружении не происходило ничего такого, чему ему не следовало бы подражать. Недопустимо совершать поступки, о которых ребенку потом приходится говорить: «ты так делать не должен». Склонность ребенка к подражанию подтверждается и тем, что он начинает воспроизводить начертания букв задолго до того, как ему становится понятным их значение. Это даже очень хорошо, если сначала он просто перерисовывает буквы, и лишь позже учится понимать их смысл. Ибо принцип подражания закономерен для эпохи становления физического тела, а смысл воспринимается эфирным телом, оказывать воздействие на которое следует лишь после смены зубов, когда рассеивается внешняя эфирная оболочка. В особенности опираться на принцип подражания нужно,

занимаясь с детьми данного возраста постановкой речи. Говорить ребенок лучше всего учится слушая. Применение всевозможных приемов и правил ни к чему хорошему здесь не приводит.

Важно, чтобы в раннем детстве органы чувств получали впечатления от красивых ритмов — в этом отношении одним из лучших воспитательных средств являются детские песни. Внимание при пении следует обращать не столько на *смысл*, сколько на красоту *звучания*. Чем более живительным будет воздействие на глаз и ухо, тем лучше. Не следовало бы недооценивать и того, сколь благотворными для формирования организма являются сопровождаемые музыкой танцевальные движения.

С того времени, как у ребенка стали меняться зубы и произошло отделение внешней эфирной оболочки, воспитатель получает возможность извне воздействовать на эфирное тело. Что же именно оказывает на эфирное тело такое внешнее воздействие? Его преобразование и рост выражаются в преобразовании и развитии склонностей, привычек, совести, характера, памяти, темперамента. На эфирное тело можно воздействовать посредством образов, примеров, правильно направленной фантазии. Ребенку в возрасте до семи лет следовало предоставлять физические образцы для подражания, а дети в возрасте от смены зубов до наступления половой зрелости должны расти в окружении того, что будет влиять на них благодаря внутреннему смыслу и внутренней ценности. Теперь же должен действовать смысл, выраженный через образ и иносказание. Эфирное тело укрепляется, когда упорядоченная фантазия черпает свой материал из живых картин или одухотворенных образов и сравнений. Надлежащему развитию эфирного тела способствуют не абстрактные понятия, но то, что дается наглядно; это наглядность не чувственного, а духовного рода. Такая духовно-образная наглядность является истинным средством воспитания детей данного возраста: и чрезвычайно важно, чтобы те, кто их воспитывает, были личностями, обладающими духовно-образным видением (*Anschauung*), благодаря которому в ребенке могли бы пробуждаться желательные интеллектуальные и моральные силы. Если для воспитания в раннем детстве ключевыми словами являются *подражание* и *пример*, то для воспитания детей в возрасте от смены зубов до наступления половой зрелости это *способность следовать авторитету*. Естественный, не принудительно насаждаемый авторитет служит проводником того непосредственного духовно-образного видения, под воздействием которого в ребенке должно происходить формирование совести, привычек, склонностей, под воздействием которого уравнивается темперамент; это призма, через которую он смотрит на явления окружающего мира. Прекрасные слова поэта о том, что «каждый избирает себе героя и по его примеру прокладывает свой путь на Олимп», в особенности справедливы для данного периода детства. Почтение и благоговение — вот силы, способствующие правильному развитию эфирного тела. Тот, кому в описываемом возрасте не довелось испытывать безграничного благоговения в присутствии какого-нибудь человека, вынужден искупать это в продолжение всей последующей жизни. Без благоговения чахнут живые силы эфирного тела. Представим себе следующую картину. Восемилетнему мальчику рассказывают о некой чрезвычайно уважаемой личности. Все услышанное внушает ему чувство благоговения. И вот однажды он может сам воочию увидеть почитаемого им человека. Священный трепет охватывает его, когда он прикасается к ручке двери, за которой находится тот, кого он столь глубоко чтит. Вызываемые подобными переживаниями прекрасные чувства имеют большое значение для всей последующей жизни. Человека, который всегда, а не только в особые моменты, смотрит на своих учителей и воспитателей как на сами собой разумеющиеся авторитеты, следовало бы назвать счастливым.

Помимо таких живых авторитетов, являющихся воплощением нравственных и интеллектуальных сил, нужны и духовно воспринимаемые авторитеты. Примеры великих исторических деяний, рассказы о выдающихся людях должны способствовать формированию совести, определять направление духовной жизни, а абстрактные нравственные принципы будут оказывать правильное воздействие лишь после того, как с наступлением возраста половой зрелости астральное тело освободится от окружающей его астральной материнской оболочки. В особенности важно, чтобы в соответствии с такой точкой зрения было построено преподавание истории. Все рассказы и сказки, которые ребенок слышит в раннем детстве, могут быть рассчитаны лишь на то, чтобы вызывать радость и оживление. С ребенком, у которого уже поменялись зубы, при выборе материала для рассказов нужно стремиться к тому, чтобы перед его душой проходили достойные подражания образы. Не следовало бы упускать из виду и того, что дурные наклонности нередко удается побороть благодаря целесообразно подобранным отталкивающим примерам. Обыкновенные увещания мало помогают преодолению дурных наклонностей и привычек; их искоренению можно способствовать, воздействуя на фантазию ребенка при помощи соответствующих отрицательных образов, показывая, к чему приводит та или иная дурная наклонность. Необходимо руководствоваться тем, что на развивающееся эфирное тело воздействуют не абстрактные представления, а духовно наглядные, исполненные жизни образы. Конечно, все это проводить в жизнь нужно с величайшим тактом, иначе результат может оказаться обратным желаемому. Очень многое зависит от того, как рассказывает педагог. В частности не следует, без особых на то причин заменять устный рассказ чтением вслух.

При воспитании детей в возрасте от смены зубов до наступления половой зрелости принцип духовно-образного, который также можно было бы назвать аллегорическим представлением, важен еще и в другом отношении. Необходимо, чтобы с тайнами природы, с законами жизни дети знакомились по возможности не при помощи сухих рассудочных понятий, но посредством символов. Иносказательные изображения духовных соотношений и нужно проводить перед душой таким образом, чтобы сокрытые за этими иносказаниями законы бытия как бы предчувствовались и угадывались, а не постигались рассудочно. «Все преходящее — лишь иносказание» (И. В. Гете) — эти слова можно было бы взять девизом воспитания детей данного возраста. Для человека бесконечно важно воспринять тайны бытия в иносказаниях еще до того, как они предстанут перед его душой в форме естественнонаучных законов и т. п. Обратимся к примеру. Предположим, мы хотим рассказать ребенку о бессмертии души, о том, как она покидает тело. Для этого мы можем провести сравнение с выходящей из куколки бабочкой. Как бабочка расстается с куколкой, так и душа после смерти расстается с телом, в котором она жила. Чтобы это событие правильно описать в рассудочных понятиях, необходимо прежде воспринять его образно. Благодаря иносказаниям мы обращаемся не только к рассудку, но также и к чувству, к ощущению, к душе в целом. Ребенок, прошедший через стадию подобного духовно-образного знакомства с явлениями, *впоследствии*, когда вам понадобится охарактеризовать те же самые явления при помощи рассудочных понятий, будет изучать их с совершенно другим настроением. Более того, поистине плохо для человека, если он лишен возможности сначала чувством прикоснуться к загадкам бытия. Необходимо, чтобы в распоряжении педагога были иносказания для всех законов природы, для всех тайн мироздания.

На примере такого духовно-образного подхода прекрасно видно, сколь плодотворной для практической жизни может быть духовная наука. Ведь на детей иносказания, в основе которых лежат материалистические рассудочные представления, как правило производят очень незначительное впечатление. Их приходится выдумывать во всеоружии рассудка. Иносказания, к которым педагогу самому сначала нужно приспособляться, не будут убедительными для тех, кому они предназначены. Когда же рассказ построен на образах, на слушающих воздействует не только то, что говорится или показывается, тогда от воспитателя к воспитанникам струится духовный поток. Если иносказание не согрето верой, оно не произведет никакого впечатления на того, кому оно предназначено. Для того, чтобы действие было правильным, воспитатель должен сам верить в правду своих иносказаний. А это возможно лишь при духовно-научном подходе, когда иносказания черпаются из духовной науки. Тому, кто по-настоящему связан с духовной наукой, не придется заставлять себя приноравливаться к вышеупомянутому иносказанию о расстающейся с телом душе, ибо для него оно является истиной. Выход бабочки из куколки для него тот же самый процесс (только относящийся к низшей ступени существования природы), что и совершающийся на высшей ступени выход души из тела. Он действительно верит в это. Вера таинственным потоком струится от него к воспитанникам, она убеждает их; и между ним и воспитанниками вершит сама непосредственная жизнь. Жизнь, которая возможна лишь благодаря тому, что воспитатель черпает из источника духовной науки, и каждое его слово, все, что от него исходит, заключает в себе ощущение, тепло и эмоциональную окраску подлинного духовно-научного мирозерцания. Дело воспитания в этом случае обретает новую, величественную перспективу. Оплодотворенное из живых источников духовной науки, оно становится понимающей самое себя жизнью. Тогда прекращаются обычные в практике воспитания поиски ощупью. Всякое воспитание, всякая педагогика, если они не питаются соками от этого корня, остаются безжизненными и сухими. Ко всем тайнам мира духовная наука обладает иносказаниями, это соответствующие самой сущности вещей образы; они не выдуманы людьми, но заложены в мироздание созидательными силами. Поэтому духовная наука должна служить живой основой искусства воспитания.

Душевной способностью (Seelenkraft), на которую в данный период нужно обратить особое внимание, является память. Развитие памяти связано с преобразованием эфирного тела, которое у ребенка в возрасте между сменой зубов и наступлением половой зрелости становится свободным. В это время мы должны извне сознательно содействовать укреплению памяти, иначе она не достигнет возможной для нее степени развития. Упущенное тогда уже не восполнить впоследствии.

Рассудочно-материалистический подход к проблеме памяти чреват многочисленными заблуждениями. Его сторонники в педагогике легко проникаются предубеждением против заучивания наизусть. Они не жалеют резких слов в адрес простой тренировки памяти и используют хитроумнейшие методы для того, чтобы ученик не мог попросту запомнить то, что он *не понял*. Все дело для них заключается в понимании! Материалистически-рассудочное мышление очень легко склоняется к тому, чтобы считать отвлеченные понятия единственным средством добраться до сути вещей; ему поистине трудно согласиться с тем, что для постижения действительности наряду с рассудком не менее необходимы и другие душевные способности. Это не просто метафора, когда говорят, что можно понимать не только умом, но и чувством, ощущением, сердцем. Мышление в понятиях — лишь *одно* из средств постижения

явлений этого мира. Единственным средством оно представляется только материалистическому сознанию. Существует, конечно, немало людей, которые не причисляют себя к материалистам и тем не менее считают, что не бывает понимания без рассудочных понятий. Такие люди могут исповедовать идеализм и даже спиритуализм, но в душе они остаются материалистами, ибо рассудок — не более чем инструмент души, используемый ею для постижения материального мира.

Для того, чтобы глубже подойти к проблеме понимания, здесь будет приведен отрывок из вышеупомянутого превосходного педагогического сочинения Жана Поля. Оно содержит драгоценные наблюдения из области воспитания и до сих пор обращало на себя неоправданно мало внимания. Воспитателю оно может дать гораздо больше, нежели многие общепризнанные труды по педагогике. Вот это место. «Не бойтесь непонятных слов, даже целых предложений; выражение вашего лица, интонация, логическое ударение помогут понять половину сказанного, а благодаря этой половине со временем станет понятным и остальное. Для ребенка интонация — так же, как для китайца или для светского человека — половина языка... Подумайте о том, что свой родной язык дети прежде учатся понимать и лишь затем начинают говорить на нем, — как это бывает и с нами при изучении греческого или какого-нибудь другого иностранного языка. Доверьтесь расшифровке, производимой в канцелярии времени, и самой связи вещей. Пятилетний ребенок понимает слова «хотя», «однако», «все же», «зато», «еще бы»; но попробуйте объяснить их — не ребенку — его отцу! В одном лишь слове «хотя» скрыта целая философия. Трехлетний ребенок понимает уже довольно сложную речь восьмилетнего, почему же вы стремитесь сузить свою речь до лепета? Говорите всегда несколькими годами вперед (ведь гении в своих произведениях говорят с нами несколькими столетиями вперед). С годовалым ребенком говорите как с двухлетним, а с двухлетним как с шестилетним — ибо различия в развитии уменьшаются в прямой пропорции к годам. Воспитателю, склонному все знания приписывать обучению, следовало бы поразмыслить о том, что половину мира, его духовную половину (например, нравственные и метафизические категории), ребенок изначально несет в себе, что он уже обучен этой половине мира, и что язык, который имеет в своем распоряжении одни лишь отображения вещественных явлений, не может дать отображений духовной реальности, — он может лишь осветить их. В общении с детьми радость и уверенность в нашу речь должны привходить от их собственной радости и уверенности. Уча их посредством языка, можно у них самих учиться языку; их словообразования забавны, но правильны».

Хотя проблему понимания до образования рассудочных понятий мы затронули в иной связи, чем о ней говорится в приведенном отрывке, однако все сказанное Жаном Полем о языке имеет прямое отношение к предмету нашего рассмотрения. Структуру языка дети воспринимают своей душевной организацией, им не требуется рассудочно понимать законы его строения. Подобно этому, для развития памяти, они *должны* изучать то, что лишь со временем (5) станет доступным их понятийному пониманию. Более того, воспринятое в данном возрасте путем простого запоминания впоследствии будет лучше усвоено в понятиях; так, лучше всего усваиваются правила того языка, на котором человек уже говорит. Возражения против «заучивания без понимания» — не что иное, как материалистический предрассудок. Ребенку вполне достаточно на нескольких примерах познакомиться с начальными правилами умножения (при этом нужно пользоваться не счетной машиной, а пальцами), а затем пусть он выучит наизусть всю таблицу умножения. Такой подход соответствует природе формирующегося человека. Но ей будет нанесен ущерб, если слишком нагружать рассудок в период, когда должна развиваться память. Как душевная способность, рассудок рождается лишь после того, как ребенок достигает возраста половой зрелости. До его наступления нельзя воздействовать на рассудок извне. Нужно, чтобы сокровища человеческой мысли ребенок усваивал посредством памяти; и лишь впоследствии запечатленное в памяти должно быть осмыслено при помощи понятий. Таким образом, речь идет не о том, чтобы человек принимал к сведению то, что он сначала понял, но о том, чтобы он понимал то, что ему уже известно, чем он владеет благодаря памяти так же, как владеет он благодаря ей своим родным языком. Это общий педагогический принцип. Например, с историей сначала следует знакомиться путем простого запоминания, а потом уже давать ее фактам понятийное оформление. Нужно сначала как следует выучить наизусть то, что полагается помнить из области географии, а затем уже составлять понятие о географических связях и закономерностях. В известном отношении все воспринимаемое в понятиях, должно заимствоваться из кладовых памяти. Чем больше ребенок усвоил просто на память — прежде, чем облекать свои знания в форму понятий — тем лучше. Само собой разумеется, все это относится именно к данному возрасту, а не к более позднему, когда обратный путь является более правильным и желательным. Впрочем, даже и тогда многое зависит от особенностей душевной организации конкретного человека. Но в данном возрасте недопустимо иссушать душу обилием рассудочных понятий.

В своем крайнем выражении принцип наглядного обучения также обусловлен материалистическим образом мыслей. Наглядность в этом возрасте должна быть одухотворенной. Нельзя довольствоваться чувственно-наглядным рассмотрением растения, семени или цветка. Все наглядное должно становиться

иносказательным выражением духовного. Семя не только то, чем оно является глазу. В нем сокрыто от внешнего зрения будущее растение. И ребенок должен живо ощутить, воспринять эмоционально, пережить в воображении, что оно включает в себе значительно больше того, что доступно органам чувств. Нужно, чтобы он почувствовал веяние тайны бытия. Напрасно было бы опасаться, что таким путем наносится ущерб чисто чувственной наглядности: напротив, если не идти дальше простого разглядывания, истина оказывается неполноценной. Ибо полная действительность всякой вещи включает в себе дух и материю, и точное рассмотрение не будет менее тщательным от того, что оно производится с участием всех душевных способностей, а не посредством одного чувственного восприятия. Если бы педагоги могли наблюдать, как это делает тот, кто проводит духовно-научное исследование, сколь иссушающе чисто чувственное наглядное обучение воздействует на *душу* и *тело*, они бы меньше на нем настаивали. Какой высший смысл может заключаться в демонстрации всевозможных минералов, растений, животных, физических опытов, если при этом в них не усматриваются иносказания материального мира, позволяющие приблизиться к тайнам духа? Разумеется, материалистический образ мыслей и не ищет высшего смысла, что вполне понятно тому, кто стоит на позициях духовной науки. Ему ясно также и то, что по-настоящему практическое искусство воспитания не может вырасти из материалистического образа мыслей. Насколько практичным этот образ мыслей себя считает, настолько непрактичным он оказывается на деле, поскольку речь идет о том, чтобы понять живую жизнь. По отношению к подлинной действительности он фантастичен, причем *самому ему*, конечно, фантастичными *должны* представляться соответствующие действительности положения духовной науки. Многое еще предстоит преодолеть, прежде чем станет возможным построить искусство воспитания полностью на основе рожденных самой жизнью принципов духовной науки. Но это вполне естественные трудности. Духовнонаучные истины в наше время еще *должны* быть непривычными для многих. Им, однако, со временем предстоит стать достоянием культуры.

Лишь вполне сознавая, как влияет на ребенка применение к нему той или иной воспитательной меры, педагог будет в состоянии правильно поступать в каждом конкретном случае. Например, очень важно научиться правильному обращению с такими основными душевными способностями как мышление, (внутреннее) чувство и воля. Способствуя их формированию, педагог устанавливает как бы обратную связь с эфирным телом, которое в период между сменой зубов и наступлением половой зрелости можно совершенствовать, воздействуя на него извне.

В первом семилетии жизни ребенка благодаря описанным здесь воспитательным принципам закладывается основа для здоровой, сильной воли: опорой для нее служат правильно сформированные органы физического тела. А начиная с возраста смены зубов развивающееся эфирное тело должно сообщать физическому телу силы, при помощи которых физические формы обретают прочность и устойчивость. Все то, что оказывает на эфирное тело наиболее сильное воздействие, опосредованно способствует укреплению физического тела. Самые же сильные импульсы эфирному телу сообщают такие впечатления и представления, посредством которых человек чувствует и переживает свою связь с вечной основой мира: это религиозные переживания. Воля человека, а вместе с ней и его характер не будут развиваться здоровым образом, если в данном возрасте он не испытает воздействия глубоких религиозных импульсов. Тем, как человек переживает себя включенным в мировое целое (*Weltganze*), определяется цельность его волевой организации (*einheitliche Willensorganisation*). Если он не почувствует прочной связи с божественно-духовным, его воля и характер будут оставаться нерешительными, нецельными, нездоровыми.

Правильное развитие внутренней жизни чувств достигается при помощи описанных здесь иносказаний и аллегорий; в особенности полезным будет все, что строится на заимствованных из истории (и других источников) изображениях характерных типов людей. Важным для формирования внутренней жизни чувств является также углубление в тайны и красоту природы. С особой заботой следует отнестись к воспитанию эстетического вкуса и пробуждению художественного чувства. Занятия музыкой должны сообщить эфирному телу некий ритм, который в дальнейшем сделает его способным ощущать присутствие внутренних ритмов во всех вещах. Многого лишен на всю жизнь тот, кому в эти годы не было оказано благодеяние музыкального воспитания. А при полном отсутствии музыкального чувства и от него останутся совершенно сокрытыми целые области в бытии мира. Разумеется, не следует пренебрегать и другими искусствами. Пробуждение чувства формы по отношению к архитектурным стилям, по отношению к пластическим и графическим образам, пробуждение чувства гармонии цветов (в живописи) — ничто не должно быть упущено в программе воспитания. В связи с теми или иными обстоятельствами, возможно, придется осуществлять эту программу на довольно примитивном уровне, но не может быть так, чтобы обстоятельства совсем не позволяли действовать в данном направлении. Воспитатель, правильно понимающий суть дела, многого достигнет с помощью самых простых средств. Благодаря развитому чувству прекрасного развиваются также радость жизни, любовь к бытию, работоспособность. Чувство прекрасного, художественное чувство — как способны они облагородить, сделать красивее отношения

между людьми! Моральное чувство, которое в эти годы формируется при помощи взятых из жизни образов, благодаря обращению к примерам из жизни замечательных людей укрепляется, если посредством эстетического чувства добро воспринимается как нечто прекрасное, а зло как нечто отвратительное.

Мышление как таковое, как внутренняя жизнь в отвлеченных понятиях, в эти годы было бы преждевременным. Само собой, без внешних влияний должно совершаться его развитие в то время, когда перед душой проходят иносказания и образы, повествующие о загадках жизни и тайнах природы. Если в период между седьмым годом и наступлением половой зрелости деятельность мышления и способность суждения подготавливаются именно так, в окружении других душевных переживаний, то с наступлением половой зрелости человек оказывается в состоянии вполне самостоятельно формировать собственное мнение в отношении того, с чем он встречается на путях жизни и познания. Чем меньше педагог непосредственно воздействует на развитие способности суждения, чем больше он укрепляет ее опосредованно, развивая другие душевные способности, тем лучше это скажется на всей последующей жизни данного человека.

Духовная наука обеспечивает правильную основу не только духовному, но и физическому воспитанию. В качестве характерного примера можно указать на гимнастику и подвижные игры. Подобно тому, как первые годы детства должны проходить в окружении любви и радости, так в более позднем возрасте благодаря телесным упражнениям эфирное тело должно чувствовать свой собственный рост, воспринимать свою постоянно возрастающую силу. Занятия гимнастикой следует организовать так, чтобы при каждом движении, при каждом шаге у ребенка возникало чувство: «Я ощущаю, как во мне растет сила». Это чувство должно вызывать у него удовольствие, наполнять его здоровой радостью. Разумеется, для того, чтобы построить гимнастические упражнения соответствующим образом, недостаточно рассудочных знаний из области анатомии и физиологии человеческого тела. Необходимо обладать интимным, интуитивным, эмоциональным знанием о связи между удовольствием, радостью и определенными положениями и движениями тела. Необходимо, чтобы составитель таких упражнений сам мог пережить, как одни движения и положения членов тела возбуждают радостное чувство силы, а другие — своего рода бессилие и т. п. Проводить занятия гимнастикой и телесными упражнениями подобным образом возможно только с помощью духовной науки и, прежде всего, духовно-научного мирозерцания. Для этого не нужно непременно обладать действительным прозрением в духовный мир, достаточно представлять себе, как могут быть употреблены в жизни данные духовной науки. Поскольку они найдут применение в такой практической области, как воспитание, постольку сами собой прекратятся совершенно бесполезные разговоры о том, что их сначала нужно доказать. Для того, кто применит их, жизнь сама послужит доказательством, ибо благодаря им она будет здоровой и насыщенной. Истинность их он усмотрит в том, что они подтверждаются на практике, и это будет для него убедительнее всех так называемых «логических» и «научных» обоснований. Духовные истины лучше всего познаются по плодам, а не посредством таких якобы научных доказательств, которые, по существу, являются не более чем логической перебранкой.

С наступлением половой зрелости рождается астральное тело. Теперь, когда оно вступило в стадию свободного внешнего развития, к человеку можно обращаться с тем, что извне стимулирует становление мира отвлеченных понятий, способности суждения и независимого разума (*freien Verstand*). Выше уже говорилось о том, что, оберегаемые от прямого воздействия, благодаря правильному применению других средств воспитания, эти душевные способности должны были развиваться и прежде; так же, как в изоляции от внешнего мира в организме матери развиваются глаза и уши ребенка. С наступлением возраста половой зрелости человек становится зрелым для того, чтобы иметь свои собственные суждения о том, что он раньше изучал. Одно из самых худших зол, которое можно причинить ребенку — слишком рано пробудить в нем рассудок. Составлять суждение правомерно после того, как накоплен материал для суждений, для сопоставлений. Если же самостоятельное суждение выносить до того, то ему будет недоставать основания. Все односторонние воззрения, все узколобые «убеждения», опирающиеся на какие-нибудь обрывочные знания и берущиеся выносить приговор издавна вошедшим в обиход человечества представлениям, все они обусловлены такого рода ошибками в воспитании. Мыслить зрело в состоянии лишь тот, кто усвоил себе уважительное отношение к мыслям других людей. Не может быть здорового мышления, которое не предварялось бы чувством истины, опирающимся на веру в само собой разумеющиеся авторитеты. Воспитатели, придерживающиеся этого педагогического принципа, оберегают своих воспитанников от того, чтобы они слишком рано начинали судить и тем лишали себя возможности всесторонне и непредвзято воспринимать жизнь. Ведь, если суждение строится не на основе соответствующего душевного багажа, то для того, кто его выносит, оно становится камнем преткновения на жизненном пути. Ведь составив однажды суждение о какой-либо вещи, человек находится под его влиянием, и все с этой вещью связанное он уже больше не в состоянии воспринять так, как воспринял бы, если бы не составлял о ней суждения. Для молодого человека *должно* быть естественным сначала изучать,

а потом выносить суждение. Лишь после того, как «высказались» все другие душевные способности, может сказать свое слово рассудок; до этого ему дозволена только роль посредника. Воспринятое и почувствованное ему надлежит фиксировать и принимать таким, каково оно есть, без того, чтобы незрелое суждение тотчас заявляло свои права. Важно, чтобы до указанного возраста дети были избавлены от каких бы то ни было теорий, они должны знакомиться с самими явлениями и непосредственно воспринимать их душой. Разумеется, можно знакомить их с тем, что уже думали люди о том или ином предмете; однако не следует допускать того, чтобы вследствие преждевременных суждений они становились сторонниками каких-либо воззрений. Различные мнения они должны выслушивать, не испытывая потребности тут же выбрать из них правильное и встать на его сторону. Конечно, для того, чтобы так воспитывать и преподавать, необходимо обладать большим тактом, и обрести его можно именно благодаря духовно-научному мирозерцанию.

В данной статье мы коснулись лишь некоторых аспектов духовно-научного подхода к воспитанию. Но и поставленная ей цель ограничивалась тем, чтобы охарактеризовать возлагаемую на этот подход культурную задачу, успешность осуществления которой будет зависеть от того, насколько широкое он получит признание. Чтобы признание было действительно широким, должны быть соблюдены два условия. Во-первых, люди должны перестать предубежденно относиться к духовной науке. Тот, кто действительно с ней знакомится, быстро убеждается в том, что она не является плодом большого воображения. И хотя многие придерживаются обратного мнения, они не заслуживают упрека, ведь благодаря полученному в наше время образованию люди невольно *начинают* с того, что выносят суждение, согласно которому сторонники духовной науки могут быть лишь фантастами и мечтателями. При поверхностном взгляде и не возникнет другого мнения: ведь выступающая в качестве духовной науки антропософия и то, что современное образование дает людям в качестве основы для здорового понимания жизни, представляются ему совершенно противоречащими друг другу. Лишь в результате более глубокого рассмотрения обнаруживается, сколь противоречивыми оказываются современные воззрения, если их оставить без духовно-научного основания, обнаруживается, что они сами буквально требуют этого основания и не в состоянии долго просуществовать без него. Второе условие связано со здоровым развитием самой духовной науки. Участники антропософского движения должны осознать, что учение (*die Lehren*) необходимо сделать максимально плодотворным по отношению ко всем сторонам жизни, что нельзя ограничиваться одним теоретизированием; тогда жизнь сама откроется навстречу духовной науке. В противном случае антропософию будут по-прежнему считать своего рода религиозным сектантством отдельных чудаков и мечтателей. Но при ее реальной и плодотворной деятельности в сфере духовной культуры невозможно, чтобы духовно-научному движению надолго было отказано в понимании и признании.

#### ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

Вышеизложенное не раз было содержанием лекций, читавшихся мною в ряде городов Германии. Переработанные в статью, они публикуются здесь во исполнение многочисленных пожеланий иметь их также в виде брошюры.

В статье места, дополненные данными примечаниями, помечены соответствующими цифрами.

*Примечание 1.* Это предложение не следует понимать так, что духовная наука желает иметь дело лишь с самыми общими вопросами жизни. Как справедливо то, что, в смысле сказанного выше, она призвана обеспечить основания, исходя из которых возможно разрешать *эти* вопросы, так справедливо и то, что для *каждого* человека, какое бы место в жизни он ни занимал, она также может стать источником, из которого он будет черпать ответы на повседневные вопросы жизни, утешение, силы, уверенность в бытии и работе. На нее можно опереться и для разрешения величайших загадок жизни, и в связи с самыми непосредственными сиюминутными потребностями, и в самых, по-видимому, определенных повседневной жизнью обстоятельствах.

*Примечание 2.* В отношении здесь сказанного должна быть достигнута полная ясность, ибо в данном направлении как раз наша современность отличается значительной смутностью представлений. В настоящее время многие исследователи стирают грань между растением и ощущающим существом, поскольку не могут составить себе отчетливого понятия о природе *ощущения*. Если какое-нибудь существо (или предмет) тем или иным образом реагирует на оказываемое на него извне воздействие, то это еще не даст права говорить о том, что оно данное воздействие *ощущает*. Говорить о чем-либо подобном можно лишь в том случае, когда данное воздействие оно *воспринимает в себе самом*, когда, следовательно, имеет место своего рода внутреннее отражение внешнего раздражения. Огромные успехи нашего естествознания, которые, разумеется, восхищают исследователя в области духовной науки, стали причиной неясности в отношении высших понятий. Некоторые биологи не знают, что такое ощущение, и приписывают его лишенным ощущений существам. Собственно говоря, то, что они — эти биологи — под ощущением понимают, можно приписывать и лишенным ощущений существам; но духовная наука под ощущением должна понимать нечто совершенно иное.

*Примечание 3.* Следует различать между *переживанием* (*Erleben*), которое астральное тело имеет *в себе самом*, и *восприятием* (*Wahrnehmen*), посредством которого астральное тело воспринимает обученный этому ясновидящий. То, что открывается духовному зору последнего, и имеется здесь в виду.

*Примечание 4.* Выражение «Я — тело» не должно быть камнем преткновения. Оно, конечно, не подразумевает ничего грубо материального. В духовной науке, однако, приходится пользоваться словами обычной речи. И поскольку эта речь применима к материальному, постольку, применяясь к потребностям духовной науки, приходится переводить ее на язык духа.

*Примечание 5.* Сказанное выше нельзя считать вполне понятным, если выдвигается возражение в том смысле, что и до смены зубов ребенок обладает памятью и т. д., а до достижения возраста половой зрелости он уже обладает связанными с астральным телом способностями. Нужно уяснить себе, что как эфирное, так и астральное тело даны с самого начала, они лишь окружены вышеописанной защитной оболочкой. Именно защитная оболочка сообщает эфирному телу, например, способность до наступления смены зубов совершенно особым образом проявлять свойства памяти. Ведь еще находясь под физической защитной оболочкой материнской утробы, ребенок уже обладает физическими глазами. И точно в том же смысле, как эти, находящиеся под защитой, глаза не должны оказывать своего развивающего воздействия солнечный свет, так до смены зубов внешнее воспитание не должно воздействовать на формирование памяти. Совершающееся в этом возрасте как бы *само собой* свободное развитие памяти будет вполне очевидным для наблюдения, если ей будет предоставляться пища, но она будет избавлена от идущей

извне заботы. То же справедливо и для возраста, предшествующего наступлению половой зрелости, в отношении свойств, носителем которых является астральное тело. Они должны получать питание, но, давая, его нельзя упускать из виду того, что говорилось об окружающей астральное тело защитной оболочке. Одно дело — заботиться еще *до* наступления возраста половой зрелости о заключенном в астральном теле зародыше развития, другое дело — подвергать ставшее *после* наступления этого возраста самостоятельным астральное тело извне тому, что оно может переработать *без* защитной оболочки. Это, конечно, тонкое различие; но для того, кто его не проводит, *непонятой* остается и сущность воспитания.